

Герман Штрезау

БИБЛИОТЕКАРЬ из Третьего рейха

*«От нацистов
меня отделяет
целый мир...»*

Герман Штрезау
Библиотекарь из Третьего
рейха. «От нацистов меня
отделяет целый мир...»
Серия «Сильнее смерти.
Невероятные истории силы духа»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73973297

Герман Штрезау «Библиотекарь из Третьего рейха. "От нацистов меня отделяет целый мир..."»: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2026 ISBN 978-5-04-247086-8

Аннотация

Одно из самых точных дневниковых свидетельств о первых годах Третьего рейха – о том, как тоталитаризм завоевывает не только государство, но и повседневность.

В 1933 году, после прихода нацистов к власти, немецкий интеллектуал и библиотекарь Герман Штрезау вновь начинает вести дневник. Его увольняют с работы, он наблюдает, как из культурных и академических институций вытесняют профессионалов, как на их место приходят лояльные режиму люди, как сжигают книги, как меняется литературная жизнь, язык публичной речи и сама атмосфера

общества. С исключительной наблюдательностью Штрезау фиксирует не только политические события, но и реакции окружающих: растерянность, конформизм, карьеризм, мелкое приспособленчество, страх и внутренние компромиссы.

Эти дневники – важнейший документ внутренней эмиграции и редкий по точности портрет немецкого общества накануне катастрофы. Штрезау показывает, как диктатура проникает в частную жизнь, в профессиональную среду и в бытовые разговоры, – и как быстро насилие начинает восприниматься как норма. Впоследствии Штрезау станет заметной фигурой послевоенной немецкой интеллектуальной жизни, но именно эти ранние записи делают его одним из самых проницательных свидетелей своей эпохи. Перед нами не просто дневник, а книга о моральном климате времени – и о цене внутреннего несогласия.

Содержание

Комментарий редакторов немецкого издания	7
Предисловие автора к первому изданию своих дневников	9
1933 год	13
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Герман Штрезау Библиотекарь из Третьего рейха. "От нацистов меня отделяет целый мир..."

Hermann Stresau

VON DEN NAZIS TRENNT MICH EINE WELT:

TAGEBÜCHER AUS DER INNEREN EMIGRATION

1933–1939

© 2021 by Hermann Stresau

© 2021 by Klett-Cotta – J. G. Cotta'sche Buchhandlung
Nachfolger GmbH, Stuttgart Published by arrangement with
Gaeb & Eggers Literary Agency, Berlin

© Найденов В. В., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «ЭКСМО», 2026

* * *

Это большая литературная находка. Именно отсутствие сенсационности, взгляд «одного из тысяч», делает дневники Штрезау по-настоящему важными:

он показывает, что всё, что он замечал и осмыслял, мог заметить и осмыслить любой. но именно в этом обыденном и раскрывается механизм Третьего рейха.

Die Ze It

Это не только исключительный документ эпохи, но и свидетельство внутренней эмиграции – попытки сохранить ясность и дистанцию в мире, где диктатура проникает в самые обыденные формы жизни. дневники Штрезау читаются не как музейный артефакт, а как текст, который заставляет думать и о нашей современности.

Deut Schl Andf Unk Kultur

«Когда в государстве царит порядок, то как речи, так и действия могут быть возвышенны и смелы; но когда в государстве царит беззаконие, то действия могут быть возвышенны, но слова – покорны».

Конфуций, ок. 500 г. до н. э., перевод П. С. Попова (1842–1913)

Комментарий редакторов немецкого издания

В 1948 году в берлинском издательстве *Minerva* под названием «Из года в год» в редакции Германа Штрезау вышла подборка его дневниковых записей, сделанных в период с 1933 по 1945 год. В своем предисловии, которое также предшествует и данному переизданию, Штрезау указывает на то, что ввиду ограничения по объему использовал сокращения. Кроме того, он стилистически переработал для книги богатые цифрами записи из оригинального дневника.

Именно последнее и потребовало вмешательства редакторов. Поскольку изменения, сделанные Германом Штрезау, касаются исключительно стилистических правок, они заимствованы из его последнего прижизненного издания 1948 года. Более крупные сокращения, сделанные Штрезау, мы дополнили соответствующими статьями. Кроме того, в это новое издание перенесены все недостающие дневниковые записи.

В крайне редких случаях точно восстановить текст было невозможно; оригинальные записи делались вручную, и некоторые слова так и остались неразборчивыми. Там, где потребовалось, мы сделали соответствующие пояснения. В книге «Из года в год» Герман Штрезау применял сокращен-

ные имена. По мере возможности мы заменили все подобные сокращения в основном тексте на подлинные имена и включили в примечания более подробные биографические данные о тех или иных людях.

Петер Граф, Ульрих Форе

Предисловие автора к первому изданию своих дневников

С того дня, как меня по политическим мотивам уволили из берлинской библиотеки¹, и вплоть до вступления американцев в Гёттинген, то есть с апреля 1933 года по апрель 1945 года, я с небольшими перерывами вел дневник², куда записывал происходящие события, свои впечатления и мысли¹. Пусть читатель не ждет здесь каких-то сенсаций: я не был в концлагере, с гестапо у меня состоялось лишь одно безобидное знакомство, и я даже не был солдатом. Моя личная судьба, насколько можно судить по этим записям, была одной из тысяч судеб – притом не слишком примечательной. И все-таки это была судьба одного из тех, кто предпочитал нести в себе тяготы своего неверия, а не преимущества иллюзии. Я стремился сохранить свою свободу; то, что это было возможно, можно считать удачей или случайностью. Легко это не было. Даже будучи «свободным» писателем, приходилось мириться с жизнью, полной неопределенности, ес-

¹ Данная книга – дневники довоенного периода, 1933–1939 годов. Второй том дневников автора, согласно последнему немецкому изданию, охватывает 1939–1945 годы. (См. также: Hermann Stresau, *Von den Nazis trennt mich eine Welt: Tagebücher aus der inneren Emigration 1933–1939*; Hermann Stresau, *Als lebe man nur unter Vorbehalt: Tagebücher aus den Kriegsjahren 1939–1945*). (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

ли сознательно избегать любых льгот со стороны власти имущих. Это было возможно лишь благодаря пониманию и дружеским связям с единомышленниками.

Особенно нелегко было жить в условиях грандиозно раздутой системы власти, в условиях духовного террора, фантастической лжи, замкнутости, стремления не быть ослепленным даже кажущимися достоинствами и успехами. Это было тяжелее, чем смотреть на эти записи, в которых много личного, что, возможно, связано со всем происходящим лишь косвенно. Кроме того, из-за ограниченного объема пришлось сократить значительную часть текста, и в итоге было удалено почти все, что не относилось к сути дела – постоянного осмысления политического смысла происходящего. Ведение дневника было для меня практически единственной возможностью свободно и без ограничений размышлять о событиях.

По самой природе дневника многие реакции возникают спонтанно, в момент написания, особенно если у автора нет других источников информации, кроме газет, чья достоверность, как известно, была крайне сомнительной. Поэтому некоторые размышления, а особенно оценки, могут сегодня казаться устаревшими. Например, в чем-то я, вероятно, считал Гитлера более наивным или импульсивным, чем он был на самом деле. Однако читатель сможет и должен заметить главное – постепенное осознание анархии человеческих ценностей, явление, которое редко встречается в истории, и пол-

ный крах этих ценностей, который, можно сказать, стал почти закономерным итогом.

Удивительно наблюдать, как многие современники, особенно немцы, не обращают внимания на этот факт и поныне. Они видят внешние разрушения и не видят, что они являются лишь иллюстрацией внутреннего краха. Потому что анархия ценностей проникла в самую сердцевину народа. На самом деле эта анархия и есть то, чему мои записи пытаются отчаянно противостоять. Противник режима тоже только после краха осознал величину и масштабы анархического уничтожения, которое отнюдь не прекратилось с приходом безудержной деспотии; как ранее предполагали некоторые, что после окончания национал-социализма лучшее или даже хорошее просто вернулось на круги своя: давно ясно, что лучшее должно быть создано заново. И это при условии, что вы вообще в это верите.

Что ж, эти листки, содержащие богато и субъективно окрашенный рассказ о двенадцати годах Третьего рейха, все же основаны на фундаментальном представлении об определенных ценностях, которые, как я полагаю, могут лишь придать человеческой жизни прочность, смысл и надежду. На самом деле, чтобы поверить в исцеление, казалось бы, неизлечимого, их нужно воспринимать как объективные ценности. Исцеление может прийти лишь от духа и истины и никогда – от иллюзий, и читатель, не немец конечно, если столкнется с подобным лицом к лицу, может извлечь из этого для

себя некоторые уроки. В конце концов, за свою величайшую ошибку народ не должен был напрасно расплачиваться поражением, равносильным трагедии...

1933 год

Шёнвальде¹, 6.04.33

В понедельник, 3 апреля, мы переехали сюда из Берлина. Строительство дома на нашем участке в поселке толком завершено не было: Фольман² и товарищи, вероятно обманым путем, подвели нас. От городской квартиры мы отказались по совету архитектора³, и когда дом был закончен лишь вчерне, деньги закончились, и теперь до всей строительной бригады, все члены которой во время переворота оказались нацистскими товарищами по партии, не достучаться и не дозвониться. В последнюю минуту мы все-таки отыскали себе жилье, своего рода летнюю беседку, деревянную пристройку в хозяйстве у деревенского пекаря Хинца. Для размещения в одном жилом помещении с прилегающей кухней пришлось избавиться от множества вещей, оставшихся от нашей предыдущей семикомнатной квартиры; большая часть из них упакована и сложена на полу над пекарней, но и того, что оставили, все еще слишком много для двух человек...

Весь переезд получился отвратительным, все происходило в холодную дождливую погоду. С первой частью наших вещей выехал я, вечером приехала Грета⁴ с собакой. Когда

мы встретились, уже стемнело. До этого я сходил на место стройки нашего злополучного дома, который выглядел весьма безрадостно. Я шел по мокрым полям, чувствуя, будто воздух сгустился, как в прошлую войну...

Во вторник рано утром, когда мы еще не пришли в себя, пришел Эрих Мюллер⁵ и принес «Иовову весть» о моем увольнении. За завтраком мы поговорили о положении дел, которое меня, в сущности, мало волновало; Грета тоже, как оказалось, была не так уж потрясена. Мы слишком часто говорили с ней о том, что такое может вот-вот произойти. Я ожидал этого несколько недель, хотя по службе у меня не было повода. После долгих разговоров вокруг да около с моим начальником, доктором Визером⁶, я в конце концов сам ему объяснил, что отношусь к НСДАП с серьезными оговорками, да и коалиция Гитлера – Папена² вызывает у меня озабоченность. По сути, все это было бессмысленным...

В весьма ветреную и прохладную погоду пешком отправился с Мюллером в Шпандау, оставив Грету одну среди хаоса из коробок и мебели. Мюллер весьма разумно посоветовал не устраивать сцен при встрече с доктором Визером, хотя мы оба были убеждены, что главный виновник моего

² Коалиция Гитлера – Папена – правительство, сформированное в январе 1933 года, в котором НСДАП пришла к власти в союзе с консервативными элитами. Вице-канцлер Франц фон Папен и его сторонники рассчитывали контролировать Гитлера, однако эта коалиция стала лишь переходным этапом к установлению нацистской диктатуры.

увольнения именно он.

В Шпандау, где мы с Мюллером расстались, у входа в ратушу я встретил доктора Визера, который впервые за несколько недель пожал мне руку и рассказал кое-что об увольнении. Он неоднократно уверял меня, что он сам ни в чем не виноват, на что я отвечал, что, собственно, и не утверждал этого. По его словам, увольнение было инициировано советом сотрудников. Я, должно быть, где-то упомянул о том, что запретительные меры (в отношении публичных библиотек и марксистской литературы) свидетельствуют о внутренней слабости гитлеровцев. Доктор Визер пытался меня как-то обнадежить; видимо, вся эта история взволновала его даже больше, чем меня. Он считал, что это просто донос. В одном из служебных помещений библиотеки мы встретили, помимо Шёнинга⁷, еще и приехавшего из Галле⁸ господина Херрманна⁹, о котором я немного слышал. Доктор Визер не раз повторил, что ни в чем не виноват. Доктор Херрманн пошел дальше и хотел предложить мне более оптимистичное и удовлетворительное решение – возможно, такое, которое даже будет выглядеть как продвижение.

Доктор Херрманн, лет двадцати с небольшим, невысокий, резкий, возможно, переоценивает себя, но, похоже, проявляет кое-какие дипломатические способности. По своему духовному типу мог бы соответствовать Геббельсу. Он рассказал, что Герхард Герман¹⁰ «реабилитировался» в Фридрих-

схайне. Похоже, что в настоящее время именно в такой реабилитации и заключается основная деятельность этих людей.

Наверху – высокопарные речи, внизу – все те же старые игры: интриги, погоня за должностями, политика, политика. А в самом низу – народ: крестьяне, рабочие, штурмовики и коммунисты, наивный средний класс – именно они расхлебывают эту кашу.

Обратно вернулся пешком. Когда я пришел домой, наше новое жилище уже выглядело как дом, и с этим Грета справилась в одиночку. Завтра должен вернуться на службу. Поскольку об увольнении меня предупредили за три месяца, мне нужно продолжать работать. От доктора Визера поступила телеграмма с просьбой подать апелляцию на увольнение.

8.4.33

Свои личные возражения против увольнения я уже передал в производственный совет, который, казалось, уже ждал этого. Похоже, все сводится к формальности, во всяком случае, выглядит все это недостойно, как бы то ни было. Теперь я должен выбрать Фридрихсхайн или Райникендорф, но я не очень верю в эти маневры, и в принципе в данных обстоятельствах у меня нет никакого желания этим заниматься. Доктор Херрман спросил меня, не хочу ли я, по крайней ме-

ре, вступить в «Стальной шлем»³. Я отказался.

Наш дом едва ли будет достроен так скоро. Да и Фольману верить нельзя. В нашем нынешнем жилище нам пока и так неплохо. Больше всех радуется Джеки, наш ньюфаундленд: пес прямо-таки воспрянул духом, но при этом ведет себя вполне прилично.

На велосипеде доезжаю до Шпандау за сорок минут. Дорога красивая и удобна для велосипедистов. В воздухе все еще очень свежо, погода в основном пасмурная, но сегодня впервые выглянуло солнце.

Первое мая, как мы вчера прочитали, приурочено к национальному празднику. В этом году он выпадает на понедельник...

11.4.33

Речь Геринга¹¹, примечательную своей нереакционностью, мы прочитали в ресторане железнодорожного вокзала Шпандау-Вест. Уехали в семь часов утра; Грета – к могиле Куртхенса¹², а я – на пункт специальной службы.

Будучи солдатом, учишься не придавать особого значения речам и обращать на них внимание. Реальность – это всегда что-то другое; у нее есть своя логика.

³ «Стальной шлем» – правоконсервативный союз фронтовиков, ветеранская организация Веймарского периода.

В полдень – снова стычка с доктором Визером в присутствии доктора Энгельгардта¹³ (из городской библиотеки Берлина) и доктора Херрманна. Во время гневной тирады Визера выражение лица последнего выражало смесь веселья и смущения. Визер, укрепив свою уверенность, принялся упрекать меня за мою чересчур «самонадеянную» позицию; выглядело это чрезвычайно бестактно, и редко какой человек вызывал такое презрение, казался столь мелким и неискренним, столь непохожим на немца. Он прямо заявил, что намеренно игнорировал меня несколько недель после того, как я был настолько откровенен. Я не скрывал своего мнения о его поведении; доктор Херрманн, стоя за спиной у Визера, несколько раз прикладывал палец ко рту, но я не мог упустить возможность высказать этому низшему существу в лицо, при свидетелях, то, что я о нем думаю. Наконец, после воцарившегося молчания доктор Энгельгардт, который в этом подлинном триумвирате, по-видимому, играет роль Лепида¹⁴, сказал, что теперь и в самом деле можно ожидать примирения. Доктор Визер так мало ощущает коварство такой процедуры, что с легкостью относится к так называемому примирению через рукопожатие с оскорбленным. И вот таким людям поручено реорганизовать берлинские библиотеки; при этом, по крайней мере, двое из них таковы, что не смогут долго терпеть друг друга...

Согласно Закону о государственных служащих¹⁵, каждый

должен доказать свое арийское происхождение, включая бабушек и дедушек. Так что если еврейкой была твоя прабабушка, то уже не страшно. Эрих Мюллер признался мне, что у него была бабушка-еврейка. Этот мальчик – самый честный немец, которого только можно себе представить, а в его прошлом оказался такой «порок»!

Открывается величественная картина масштабного духовного и нравственного разложения, куда более страшного, чем та небольшая материальная деградация, что наблюдалась в прошлые годы. Особенно тревожно то, что любая независимая критика и контроль теперь подавляются. Если из числа честных национал-социалистов, которых, кажется, немало, не начнет постепенно формироваться своего рода протестующий отпор, Германия надолго погрузится в состояние внутренней слабости, которое будет маскироваться все новыми громкими речами и показными демонстрациями силы, лишь все больше обнажая свою истинную суть.

Стало тепло. На березах перед нашим домом поют скворцы.

Люди здесь просты и добропорядочны. То, что происходит в Берлине в наших кругах, кажется мне куда менее интересным. Однако те, кто стремится быть ближе к «народу», выступая в роли просветителей, живут в совершенно ином мире. Практическая работа с деревом, камнем или хлебом создает реальность. Совсем другое дело – полностью выродившийся «дух», обезумевший интеллект, который в луч-

шем случае выдает садовый участок за источник «священного» материнства и лишь вызывает смех. Нужно быть достаточно честным, чтобы, будучи человеком умственного труда, признать свое истинное положение. А оно, надо сказать, весьма плачевно.

Лоуренс¹⁶ так важен потому, что он [неразборчивый отрывок] имел смелость произнести то, чего не осмеливается произнести это порочное образование, которое плодит нам все больше и больше предателей. Болезненность этих отступников напрямую связана с испано-католической ролью, [неразборчивый отрывок] которую играет интеллект.

15.4.33

Моя апелляция против увольнения была отклонена. Я поговорил с одним из членов рабочего совета, который с сожалением сообщил мне об этом. Похоже, кто-то из наших сотрудников действительно решил донести на меня – будь то по глупости, из желания выслужиться или, скорее всего, по обоим причинам сразу.

У всех сложились определенные подозрения по отношению к нашему шефу. В присутствии доктора Визера я сказал Шенингу: если кто-то из недоброжелателей заявит о вас что-то, что способно сломать вам шею, то совершенно безразлично, правда это или нет. Потому что вас не слушают и вам не скажут, кто вас обвиняет. Самый яркий и преданный

националист должен бежать без оглядки, и здесь не до приличий. Доктор Визер выглядел несколько растерянным. «Геринг такого не потерпит», – сказал он. Возможно, так оно и есть, но даже если он «не потерпит» этого, как он рассчитывает этого избежать? Указами? Взывая к порядочности? Каким-то образом сквозь этот грязный клубок чьих-то сугубо личных переживаний просматривается общее, и именно слабое место: обращение к идеализму имеет успех только там, где для этого сложились необходимые условия. Но там, где слишком много предпосылок для карьеризма, мнимого идеализма и даже подлости, следует взывать к страху, а не к идеализму. Это единственное действенное оружие против подлости.

Вчера вечером мы прошли через деревню и немного по проселочной дороге на Фельтен; затем вернулись к лесной опушке. В ночном свете окрестности смотрятся особенно красиво...

Увидели первых ласточек и пару аистов, свивших себе гнезда в деревне. Джеки почуял кроликов, с любопытством повизгивая. В сумерках маленькие зверьки сновали по засеянному полю, словно гномы в лесу, довольно густом в тех местах. На горизонте виден свет от берлинской радиобашни...

Дикая природа в полутора десятках километров от Столицы мира весьма разнообразна. На днях в сумерках прямо перед моим велосипедом дорогу перебежал олень, так что я

чуть не врезался в него.

Вчера мне в руки случайно попал томик «Священной роши»¹⁷, которому почти десять лет. К своему удивлению, я заметил, что, несмотря на некоторую напыщенность и излишнюю мелодичность стихов, в ней есть немало строк, которые звучат актуально и сегодня. Мне приятно видеть, что уже тогда я чувствовал многое правильно. Грета считает, что я должен попытаться его куда-нибудь пристроить. Почему бы и нет?

Мне снова вспомнился случай, предшествовавший пьесе: история «Индийских саг» Хольцмана¹⁸ о короле и двух сыновьях. Идея жертвы ради жертвы, востребованная в драме: жить там, где жизнь важнее смерти. По сути, это была весьма революционная драма, слишком размытая. Во всяком случае, это никоим образом не соответствовало популярным в то время представлениям об отношении отдельных людей к целому.

Потребовалась бы переделка. Восточный антураж вызывает опасения.

Листал черновики. Воланд, Эстер! Нордическое и еврейское. Как современно!

Вчера, в пасхальное воскресенье, в эту пасмурную, ветреную погоду, у нас были Ганс и Герда Хеннеке¹⁹. С Гансом мы много беседовали, прогуливаясь вдоль опушки леса. Он выразил серьезные опасения, что «дух» будет подавлен и кол-

лективизирован – «что станет с Гофмансталем, с Рильке?» Я тоже не знаю. Однако мне кажется, что не стоит слишком беспокоиться об этом в каком-то смысле запредельном духе, даже если сейчас его положение плачевно. Но и раньше оно было не лучше. Мне вспомнилась поминальная церемония Рильке в Мюнхене, в Государственном театре, это смешение общества, литературщины и фальшивого пафоса²⁰. То, что называют духом, по крайней мере в понимании Ганса Хеннеке, обычно способно лишь констатировать, формулировать, пусть даже изящно. Но к одному оно не способно – вести за собой. Такие редкие исключения, как Рильке, будут существовать при любом режиме и вопреки любому режиму. И если они не смогут громко заявить о себе, то эта потеря не так уж велика на фоне всеобщей беды. Этот начавшийся период резкости и напора, который так часто связан с сытой или сомнительной жизнью и обычно обнажает внутреннюю пустоту, пройдет. Такое долго не держится.

Люди важнее написанных слов и размышлений. Я все же искренне доверяю здравому смыслу немцев и верю, что в конечном итоге они станут духовно самодостаточными. У нас не так много жизненных резервов, как у русских, и поэтому так называемая народная энергия быстро иссякает, если ее постоянно стремятся переработать в духовные ценности.

Вечером отправился домой через поля от закускойной «Лебединый кувшин», до которой провожал чету Хеннеке. Вообще, уже глубокая ночь, что вполне соответствует времени

года. Орион был на закате. То тут, то там вдали вспыхивали огни, и дул «ветер Вселенной»²¹.

27.4.33

Сегодня оценщик осмотрел участок и застройку. От мужчины пахло спиртным, но он производит впечатление спокойного и рассудительного, при этом оптимистичного, как и все, кто связан со строительством.

Библиотечный комитет принял решение о проведении 10 мая аутодафе²². Итак, на площади перед национальным театром предполагается сжечь несколько сотен экземпляров книг двух десятков авторов, пригвоздить их к позорному столбу и т. д. Среди авторов – Генрих Манн, Фейхтвангер, Глезер, Стефан и Арнольд Цвейги; в основном евреи...

Университетские власти не смогли предотвратить размещение студенческого объявления на доске, в котором, среди прочего, требовалось маркировать произведения еврейских авторов как «переводы с иврита». Если бы это была студенческая шутка в пивной, ее можно было бы назвать безвкусной, но как публичная акция это вообще не поддается оценке. У немцев скоро появятся куда более серьезные заботы, чем такие детские забавы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.